

УДК 821.111-312.4(410)

ББК 84(4Вел)-44

К36

Scott Kershaw

THE GAME

Серия «Архетипы зла»

Originally published in the English language
by HarperCollins Publishers Ltd. under the title
THE GAME.

Translated under licence from HarperCollins Publishers Ltd.

Scott Kershaw asserts the moral right to be acknowledged
as the author of this work.

Перевод с английского *Елены Теплоуховой*
Оформление обложки *Александра Воробьева*

Кершоу, Скотт.

К36

Игра: [роман] / Скотт Кершоу; – [перевод с английского Теплоуховой Е.]. – Москва : Издательство АСТ, 2024. – 384 с. – (Архетипы зла).

ISBN 978-5-17-148575-7

Пять незнакомцев с разных концов земного шара получают одинаковое сообщение с незнакомого номера:

«ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ВЫ ЛЮБИТЕ БОЛЬШЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ, В ОПАСНОСТИ».

Полиция не поможет. Деньги не спасут. Требование только одно: принять участие в загадочной Игре, в которой может быть только один победитель. Проигравших ждет кое-что похуже смерти: они потеряют самого близкого человека...

Пятеро игроков не знают, почему были выбраны и что за Игра их ждет. Но они готовы пойти на все, чтобы победить.

Раз, два, три...

ИГРА НАЧАЛАСЬ!

УДК 821.111-312.4(410)

ББК 84(4Вел)-44

© Scott Kershaw 2022

© Теплоухова Е.В., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-148575-7

Посвящается моей семье

ПЕРВЫЙ УРОВЕНЬ

1

ПЕРВЫЙ ИГРОК

Предраассветные лучи проникают через разбитое окно, освещая тусклым светом жуткую картину, худший кошмар любого родителя: кровать пуста, ребенок исчез.

Застыв на пороге детской, Мэгги Доусон пытается осмыслить увиденное: скомканные простыни, осколки стекла, болтающееся снаружи на пожарной лестнице одеяло ее малыша. Ноги наливаются свинцом, а в легких больше не остается воздуха. Завтрак, принесенный для сына, выскальзывает из рук, «Поп-таргс» рассыпается, и когда, наконец, Мэгги может дышать, то сдавленно выкрикивает имя:

— *Джексон!*

В комнате настолько холодно, что на ковре поблескивает иней. Мэгги, спотыкаясь, наступая на осколки стекла, подходит к окну, но боится выглянуть. В ее голове завывает сирена: *«Он выпал, боже мой, он выпал, он там, внизу, ночью, лежит на земле, ему больно, он мертв, он упал, он...»*

Снаружи зигзагообразная пожарная лестница, одна из тех, которые можно увидеть на многоэтажных домах по всем штатам. Мэгги живет на последнем пятом этаже; даже свежие сугробы не смягчили бы падение. Она хочет закрыть глаза, отвернуться, но заставляет себя посмотреть. Затаив дыхание, сквозь растопыренные пальцы она бросает взгляд вниз.

Ни Джексона, ни следов на снегу — ничего.

Только на перилах висит его одеялко с Человеком-пауком, задубевшее, как будто он помочился на него ночью.

Скотт Кершоу

Он от нее сбежал? Неужели он правда это сделал? По прогнозу ночью должно было быть около -28 . Взрослый мужик не смог бы разгуливать в такую погоду по городу, что уж говорить о мальчишке. Ее мальчишке. Ее сыне.

Она сосредоточенно рассматривает окно: осколки стекла на полу, рама сломана. Как такое могло произойти? Сильный порыв ветра, какая-нибудь глыба льда или перепад температур? Ей нужно собраться. Это же Сент-Пол, ради всего святого! Тихая гавань, Миннесота. Это не Мексика, Венесуэла или Бразилия. Дети просто так здесь не исчезают. Верно?

Она хлопает ладонями по карманам фланелевого халата, но там пусто. Метнувшись обратно в гостиную, обнаруживает свой телефон на зарядке рядом с диваном, на котором проснулась всего несколько минут назад. На экране высвечивается сообщение. Не читая его, она набирает номер.

— 911, назовите ваш адрес.

— Мой сын! Мой сын пропал! Я... я думаю... — Слова даются с трудом. Застревают в горле. Это невысказано. — Кто-то забрал его! Кто-то забрал моего мальчика!

Голос женщины-диспетчера тверд, тон — профессионален.

— Назовите ваш адрес.

— Номер 13, Лорел Флэтс, Северо-Западная авеню.

— Окей. — Слышится щелканье клавиш. — Машина выехала. Сколько лет вашему сыну?

— Восемь. Я зашла в его комнату, а он просто... Он просто исчез!

— Как вас зовут?

— М-Мэгги. Маргарет Доусон.

— Сколько вам лет, Мэгги?

— Двадцать четыре. Нет. Двадцать пять.

— Вы одна?

— Да.

— В квартире безопасно?

— Окно в его комнате, кажется, разбито снаружи.

Остаток разговора выходит каким-то скомканным. Видела ли она что-нибудь? Нет. Что-то слышала? Нет. Женщина-диспетчер велит Мэгги ничего не трогать и ждать. Помощь идет.

Игра

Мэгги нажимает отбой и пытается успокоить дыхание. *Дыши.* Она обводит взглядом комнату. Возле дивана пустая бутылка из-под «Саузен комфорт». Там и было-то всего полбутылки, но картина вырисовывается отстойная. На дне, какдохлый таракан, валяется окурочок самокрутки. «Ровно столько, чтобы уснуть», — говорила она себе. Достаточно, чтобы отключиться на диване и проспаться все на свете. Господи, как бы ей хотелось проснуться от этого кошмара!

Она сгребает в пакет из-под продуктов бутылку, остатки табака и бумаги, зажигалку, выскакивает из дверей квартиры и выбрасывает пакет в мусоропровод в дальнем конце коридора на пятом этаже. Откуда-то снизу до нее доносится хруст содержимого. Все-таки светлая у нее голова. Повернув обратно, она замечает мокрую цепочку кровавых следов, тянущуюся от ее входной двери. В ее ступнях стекла.

— Черт!

Она наконец дает волю слезам, пока бежит домой за бумажными полотенцами. Ей не хватает только, чтобы копы застучали ее вытирающей кровью возле мусоропровода. Молодец, Мэгги. Тебе кто-нибудь когда-нибудь говорил, что ты безответственная? Прежде чем отправиться на кухню, проверяет свой телефон, чтобы узнать, сколько времени прошло.

Только сейчас она обращает внимание на уведомление на экране, открывает сообщение, замирает и читает. Оно короткое, но чтение занимает у нее много времени, как будто оно написано на другом языке. Но нет. Лаконичные, четкие, резкие, пугающие в своей простоте. Она доходит до конца и возвращается к началу. Дважды. Там есть и фотография. Она скачивает изображение. Это не укладывается в голове.

Колени подкашиваются. У нее точно сердечный приступ.

Спустя мгновение она снова прижимает телефон к уху. На этот раз отвечает мужской голос:

— 911, назовите свой адрес.

— Я... я только что звонила насчет моего сына, — лепечет она. — Он...

— Назовите адрес.

— Северо-Западная авеню.

Скотт Кершоу

— Северо-Западная... — стучат клавиши. В трубке слышится сопение. — Вы Мэгги?

— Да.

— Вы заявляли о пропаже ребенка?

— Д-да, но...

— Полиция уже едет, они должны быть у вас через...

— Я нашла его! — выпаливает она так быстро, что это похоже на крик.

— Вы нашли своего сына?

— Да. — Она не может поверить в то, что говорит. Если прямо сейчас положит трубку, прибудет помощь, завывающие сирены, полицейские в форме, оружие. Но им никогда не найти Джексона живым. Это понятно из сообщения, которое она только что прочла. Фотография говорит сама за себя. Правила ясны.

— Он спрятался, — слышит она собственный шепот. — Пошутил.

— Здесь сказано, что вы сообщили о разбитом окне в помещении.

— Я запаниковала. Оно было открыто, только и всего. В комнате было холодно. Так холодно...

Мужчина на какое-то время замолкает. Молчание — это плохо. Мэгги уже в красках представляет себе, как этот кошмар крутят в вечерних новостях.

— Хорошо, Мэгги, — говорит он. — Кажется, вы в шоке. Я собираюсь позволить нашим офицерам действовать по плану и...

— Нет! — Она близка к истерике. — Вы что, не слышали, что я сказала? Он в порядке! Они мне здесь не нужны!

— Мэм! — Его голос неувовимо меняется. — Я хочу, чтобы вы оставались на месте. Офицеры уже в двух минутах от вас. Если вам нужно...

Она сбрасывает вызов. Большой палец делает это за нее, тело работает быстрее, чем мозг.

В двух минутах. Две минуты. Надо бежать.

Живо. Еще одного взгляда на фотографию в телефоне — фото ее мальчика — достаточно для того, чтобы заставить ее действовать.

Игра

Она надевает высокие красные кеды, выскакивает из квартиры и мчится мимо кровавых следов вниз по лестнице.

Одна минута.

Бежит по снегу в халатике и белье, не взяв с собой ничего, кроме телефона. Ее сын похищен, полиция уже почти на месте, и все же Мэгги Доусон сбегает с места преступления.

Сейчас январское утро, около восьми часов.

Игра только что началась.

2

ВТОРОЙ ИГРОК

У Бретта Палмера чувство, что он единственный чернокожий на стадионе. Это странно, неприятно, давно он такого не испытывал — чувство, что он тут лишний или просто какой-то чудик, и ему никак не удастся от него избавиться.

Он говорит об этом Крейгу, пока они маневрируют в толпе, и Крейг громко хохочет. Крейгу легко смеяться: он весит больше девяноста килограмм, и кожа у него блеее снега. Он голосовал за то, чтобы вновь сделать Америку великой. Кроме того, он уже немного протрезвел от выпивки, которой Бретт его накачивал в «Hooters».

Нет, не накачивал. Угощал. Шотами в честь дня рождения. Егермейстером и текилой. Всякой дрянью.

Крейг отлично смотрится в своем джерси оверсайз, и любой может это подтвердить. Оно почти полностью голубое, в цветовой гамме команды, и обтягивает его плечи. Бретт чувствует себя тощим в своей. Дохлак, как говорили они в старшей школе. Рост у него больше ста восьмидесяти, и старшая школа давным-давно позади, но он практически ощущает коленями в джинсах подол джерси. Да он знает, что все это у него в голове, так же как и ощущение собственной черноты, и все же ему никак не удастся избавиться от этих странных предчувствий. Это должен был быть их вечер, но он чувствует себя на взводе и не в своей тарелке.

— Расслабься, придурок, — говорит Крейг. — Ты же раньше любил хоккей.

Игра

— И сейчас люблю. Просто говорю тебе: посмотри вокруг, это игра белых парней.

— Знаешь, как называется это дерьмо? — У Крейга в руках оказывается один из огромных пенопластовых пальцев, и он тычет им в лицо Бретту. — Расовые предрассудки. Что ты будешь делать, когда у вас с Келли *наконец-то* появится парочка милых детишек смешанной расы? Будешь сверять каждого ребенка с таблицей цветов перед тем, как решить дать ему гребанный баскетбольный мяч или хоккейную клюшку?

Бретт ловит пенопластовый палец и направляет его на Крейга.

— Почему бы тебе не сесть на это?

Крейг снова хохочет.

— Держу пари, ты бы все отдал, чтобы на это посмотреть, правда, сладенький?

— В твоих мечтах.

Они подходят к ближайшему киоску в вестибюле, и Крейг достает бумажник рукой, свободной от пенопласта.

Бретт хватается за локоть.

— Я сам заплачу.

— Да иди ты. Ты купил билеты.

— И что с того? — Бретт шлепает пластиковой картой по прилавку. — Какой смысл в работе, если парень не может побаловать своего друга на его сороковник?

— Эй, полегче! — Крейг прочищает горло и подмигивает молоденькой девушке за стойкой. — Вы должны простить моего приятеля. Он хотел сказать *тридцатник*.

Она отвечает застенчивой улыбкой. Все женщины улыбаются Крейгу. Сколько Бретт помнит, они делали так всегда.

Самое дешевое пиво — «Миллер лайт» в банках, по 11 баксов за штуку. Бретт заказывает шесть — столько, сколько они смогут унести, и старается не дернуться, когда девушка прикладывает к экрану его «Мастеркард». Обычно он очень скромен в расходах и в уме уже машинально подсчитывает цифры. Вдобавок к пиву билеты, которые обошлись почти в четыре сотни, потом крылышки в «Hooters», и этот вечер превращается в один из самых дорогих в его жизни. Именно поэтому он продолжает говорить себе, что не может пойти на

Скотт Кершоу

попятную, когда придет время. От этой мысли желудок сжимается.

Все, что он может сейчас сделать, — это ждать, когда наступит момент, и надеяться, что он сообразит, что сказать, когда это случится.

Сегодня он должен сделать то, чего ждал очень долго.

У них места в двухсотой секции, откуда открывается отличный вид на весь огромный «Медисон Сквер Гарден», и атмосфера здесь просто невероятная. Им с трудом удается затолкать пиво под складные сиденья, и Бретт почти упирается коленями в голову парня, сидящего впереди, но стоит потерпеть тесноту ради одного вида. Запах свежего льда, его прохлады почти отрезвляют. Голубой свет прожекторов танцует по нетронутой поверхности под саундтрек бунтарской мужественности — AC/DC «Ярость против машин», «Белые зомби», а затем наступает очередь гимнов города, когда двадцать тысяч голосов подвывают «Нью-Йорк, Нью-Йорк» и «Нью-Йорк — состояние души» Билли Джоэла. От этого просто захватывает дух.

— Черт возьми! — Крейг хлопает Бретта по спине ладонью размером с лопату. — «Рейнджеры» против «Дьяволов» в гробаном «Гардене»! Сколько мы говорили про это?

— Давно, чувак.

— Вечность! Ты чертовски хороший парень, Бретт, ты знаешь это? Я не часто такое говорю, но это так.

— Ах, да ладно... — Бретт пожимает плечами, но улыбается от уха до уха и достает телефон из кармана. На экране сообщение от Келли — она просит его вести себя хорошо и как следует повеселиться. Конечно, она шутит; можно подумать, он хоть раз в жизни плохо себя вел, не говоря уже о девяти годах их совместной жизни. Вместо ответа он делает фото катка, загружает в социальную сеть, отмечает игру и Крейга Уилсона, и на телефон Крейга приходит оповещение.

Крейг видит оповещение и хмыкает.

— Эх, вот дерьмо. Теперь никаких шансов взять больничный на понедельник. Придется работать в свой сороковой день рождения, мужик. Просто зашибись. Не думал, что они

Игра

заставят нас работать в праздник, даже если это всего лишь день Мартина Лютера Кинга.

Улыбка Бретта слегка увядает. Он подозревает, что это, возможно, последняя его искренняя улыбка на сегодняшний вечер.

— У тебя останется еще целый день завтра, чтобы полегчить от похмелья. К тому же Кирк может надрать тебе задницу, если ты пропустишь еще один день.

— Кирк может отсосать. Еще немного — и я этого мудака урою.

Бретт ничего не отвечает.

Свет гаснет, очередная кричалка «Вперед, Рейнджеры!» затихает, и для первого торжественного вбрасывания шайбы диктор объявляет почетного гостя: это женщина в инвалидном кресле, ветеран, удостоенная наград и побывавшая в трех командировках с Корпусом морской пехоты США.

— О, чувак! — Бретт следует примеру остальных зрителей и тоже поднимается с места. — Ненавижу эту часть.

— Бедная сучка присела пописать над миной, — тихо бормочет Крейг, стараясь, чтобы это не услышали окружающие. — Пользуйся своими ногами, пока можешь.

— Я знаю, знаю, это просто... Мне как-то не по себе из-за этого.

— Не по себе? Это называется служить своей стране, придурок. Сражаться за то, чтобы мы с тобой пили это пиво. Что-то я не вижу, чтобы ты собирался возглавить в ближайшее время атаку на Фаллуджу.

— Эй, — шепчет Бретт. — Я поучаствовал в серьезной перестрелке. Ты говоришь с парнем, который противостоял Тренту Нолану в восьмом классе, помнишь?

— Я помню, как мне пришлось вытаскивать тебя из-под глыбы-полузачитника, прежде чем он отправил бы тебя в больницу, если ты это имеешь в виду.

Бретт кривит губы в улыбке, но в ней больше нет теплоты.

— Это была последняя драка, в которой я участвовал в своей жизни.

— Серьезно? — Крейг выгибает бровь. — У нас не всегда есть роскошь выбора, приятель.

Скотт Кершоу

Ветеран запекает гимн, слова бегут по экрану, и Крейг бьет себя в грудь поролоновым пальцем, вколачивая каждое слово.

— Скажи, видишь ли ты сейчас в свете зари то, что мы так гордо приветствовали на закате?

Бретт вторит, но мысли заняты предстоящим разговором. Он знает, что его ждет горькая ночь. Время пришло. Сердце готово разорваться.

В любом случае, с каждым мгновением приближается конец их тридцатилетней дружбы, а Крейг ни о чем не догадывается.

Бретт тянется вниз за очередной банкой пива, когда все добропорядочные американцы садятся обратно на свои места.

Они режут все как один, весь стадион, и игроки выходят на лед вереницей сверкающих смертоносных лезвий.